

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. О. КОСВЕН

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ XVII ВЕКА

I

Выдающиеся подвиги, совершенные русскими людьми в XVI—XVII вв. в просторах Сибири и Дальнего Востока, составляют русскую главу эпохи великих открытий. Эта глава насыщена замечательными событиями и ознаменована героическими делами длиннейшего ряда казавшихся ведам истории, так и оставшихся безвестными «служилых людей» и «промышленников» — землепроходцев. Однако глава эта остается еще далеко не достаточно исследованной. Если все же по части исторической и географической сделано в последнее время советскими учеными довольно много¹, то этнографическая история этой эпохи специальному изучению не подвергалась и остается, можно сказать, почти совершенно не освещенной.

С другой стороны, если вообще для данной эпохи далеко не достаточно соответствующие письменные и литературные источники, то и тем меньше по части этнографии. Конечно, еще и сейчас может быть открыто немало хранящихся в архивах новых материалов и документов относящихся к этнографической истории этой эпохи. Мы, однако, не можем взять на себя задачи поднять новые архивные источники и в своем обзоре ограничиваемся только напечатанными материалами. При обзоре истории этнографических достижений рассматриваемого времени приходится останавливаться лишь на тех событиях, которые получили и этнографическое отражение в существующих письменных памятниках, и лишь на тех лицах, которые оставили документы, содержащие тот или иной этнографический материал. Заметим, наконец, что мы не беремся

¹ См. А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири, XVII век, Л., 1940; С. В. Бахрушин, Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., М., 1927; Л. С. Берг, Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, 1725—1742, 4 изд., М.—Л., 1946; Л. С. Берг, Очерки по истории русских географических открытий, 2 изд., испр. и доп., М.—Л., 1949; М. С. Боднарский, Очерки по истории русского землеведения, т. I, М., 1947; А. В. Ефимов, Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах, XVII—первая половина XVIII в., М., 1950; Д. М. Лебедев, География в России XVII в. (Допетровской эпохи), М.—Л., 1949; В. Н. Скалон, Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII века, Под ред. М. А. Сергеева, М., 1951; см. также ценные комментарии М. П. Алексеева в его сборнике: Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, Введение, тексты и комментарий, XIII—XVII вв., 2 изд., Иркутск, 1941. Во всех этих работах этнографические сюжеты затрагиваются преимущественно лишь походя. Мы должны, однако, с признательностью отметить, что выше названные труды советских ученых оказали нам существенную помощь при изучении истории этнографии эпохи.

исчерпать все напечатанные материалы, относящиеся к нашему предмету, представляя здесь лишь наиболее значительное.

Мощное движение русских на Восток, начатое в XI в. Новгородом, перешедшее во второй половине XV в. к Москве, завершилось в 30-х гг. XVII в. выходом на Тихий океан, в 40-х гг. — открытием Берингова пролива, в тех же годах — проникновением на Амур, а к концу этого столетия — открытием последней восточноазиатской окраины — Камчатки. За указанное время, в сущности же за сто лет XVII в., русскими было пройдено и освоено колоссальное пространство, населенное длинным рядом самых различных народов. Открытие Сибири и Дальнего Востока было одновременно открытием обширнейшего, дотоле совершенно неведомого этнографического мира.

Наряду с тем, с начала XVII в. началось также непосредственное знакомство русских с чужеземной далекой страной, являвшейся предметом вожделенного внимания еще с античной эпохи, остававшейся и к тому времени весьма мало известной как в России, так и в зарубежных странах, — Китае, началась замечательная глава русской науки — русское китаеведение.

В основе движения России на Восток лежали разнообразные мотивы и цели. Однако в качестве важной задачи уже весьма рано было поставлено и собирание этнографических сведений. Об этом выразительно свидетельствуют некоторые документы.

Так, например, «наказная память» 1641 г. ленских воевод Петра Голвина и Матвея Глебова, данная служилому человеку Максиму Телыцкому с товарищами, отправленными на р. Юганду для ясачного сбора и открытия новых земель, предписывала разведывать: «и какие люди по тем рекам и по вершинам живут и чем кормятся, и скотные ли люди, и пашни у них есть ли, и хлеб родится ли, и какой хлеб родится, и зверь у них, соболи есть ли...»². Наказная память 1642 г. ленских воевод тобольским, березовским и енисейским служилым людям Ивашку Реброву, Данилке Иванову и др., отправленным на р. Оленек, предлагала: «у аманатов и тунгусов спрашивать накрепко, много ли в Оленке реке тунгусов и сколько родов, и поскольку в котором роду человек, и ясаку куда не дают ли»³. Заслуживает особого внимания в данном документе стремление к учету родов с их численным составом. Отметим, что в той же «памяти» выше также говорится о родах, например: «и с тех родов на государя ясак взять».

Замечательную черту этих наказов составляет обычно содержащееся в них предписание обращаться с местным населением ласково, не брать чрезмерно большого ясака, не допускать жестокостей.

Так, наказ 1622 г. некому Евдокиму Иванову Баскакову, посланному в г. Кузнецк для приведения в подданство местных жителей, находившихся в зависимости от калмыков, предписывал приводить этих людей «под государеву царскую высокую руку к шерти ласкою, а приведа их к шерти, ...ясак на государя собрати, с кого колко мочно взяти, чтоб их не ожесточить, ...и их от колмацких людей оберегати, чтоб им от колмацких людей обиды некоторые не было»⁴. Наказ 1639 г. енисейского воеводы Никифорова Веревкина казачьему пятидесятнику Семену Григорьеву Родюкову, отправленному на р. Олекму для ясачного сбора, предписывал с новых людей, ясака еще не плативших, «взяти с них ясак как мочно чтоб им было не в тягость и тем бы их наперво не ожесточить и от государевы царские высокие руки не отогнать...»⁵. Наказная память 1644 г. ленских воевод Василия Пушкина и Кирилла Су-

² Дополнения к Актам историческим, т. II, 1846, № 95, стр. 256 (в дальнейшем цитируется: ДАИ).

³ ДАИ, II, 1846, № 99, стр. 264.

⁴ Сборник князя Хилкова, II, 1879, № 68, стр. 192.

⁵ ДАИ, II, 1846, № 68, стр. 161—162.

понева служилому человеку Осипу Семенову Б о я р ш и не с товарищами о сборе ясака с тунгусов предписывала: «новых земель неясачных людей призывать... и ясак с них на государя имать ласково, а не жесточью...»⁶. Так и царский наказ 1647 г. Семену Федоровичу Об ъ е до ву, назначенному пустозерским воеводой, приказывал: «А к самоеди, которая живет около Пустозерского острогу, держать ласка и береженье, а жесточить их ничем не велети, и государеву дань велети же с них имати данщиком прямую, а неправд бы некоторых им чинити не велети, чтоб им в том утеснения отнюдь никоторого не было»⁷.

Такого рода цитаты можно было бы весьма значительным образом умножить.

Еще одну примечательную черту обнаруживает история русской колонизации Сибири и вместе с тем история русской этнографии изучаемого времени.

Широко известно, что история зарубежной этнографии феодальной и капиталистической эпох неуклонно сопровождалась двумя тесно между собой связанными явлениями: насильственной христианизацией и закабалением, а то и прямым обращением в рабство колониальных народов. Разительным образом этих позорных спутников почти не знала история русской колонизации Сибири, одновременно — история русской этнографии данной эпохи. Никак не приходится отрицать того, что в процессе колонизации совершалось немало жестокостей, что в конечном счете народы Сибири оказались в тягчайшем ярме колониальной эксплуатации, наложенном на них царской Россией. Однако здесь не было прямой и явной насильственной христианизации, не было по общему правилу и прямого грубого закабаления, а тем более и подлинного обращения в рабство. В частности, — во всяком случае в рассматриваемую нами эпоху, — в Сибирь ни правительством, ни какими-либо духовными инстанциями не посылались священники с миссионерскими целями, причем русское духовенство вообще не играло в те времена какой-либо роли в деле колонизации.

Обо всем сказанном хорошо свидетельствует, например, следующее предписание, содержащееся в наказе 1644 г. ленским или якутским воеводам Василию Пушкину и Кириллу Супоневу и дьяку Петру Стеншину об управлении краем⁸: «А к себе им, Василию и Кирилу и дьяку Петру и подъячим и служилым людям никаких иноземцов и жон и детей их во двор к себе не имати, и засылкою самим ни у кого не покупать и не крестити, и к Москве с собою не вывозити и ни с кем не высылати, и служилым и всяким людям крестить не велеть же, чтоб Сибирская Ленская земля пространялась, а не пустела. А будет кто из ясачных людей похочет самовольно креститься, и тех людей велеть крестить, сыскав о них допряма, что своею ли волею они хотят креститься, а крестя устраивать их в государеву службу, и верстать их государевым денежным и хлебным жалованьем, смотря по людям, кто в какую статью пригодится, в выбылые русских служилых людей места; а будет кто из их женского полу, жонки или девки, похотят креститься, и тех женок и девок велеть крестить и выдать замуж за новокрещенного ж и за русских служивых людей. А к себе им, Василию и Кирилу и дьяку Петру, отнюдь во дворы никаких иноземцов не имати и служилым и никаким людям таких людей держати у себя не велеть и издольев никаких у себя на дворах русских людей и иноземцов крещеных и некрещеных делати не заставляти, чтоб в том руским людям и иноземцем утеснения и изгони не былс».

Совершенно аналогичные предписания содержатся и в ряде других

⁶ ДАИ, II, 1846, № 73, стр. 175.

⁷ ДАИ, III, 1848, № 19, стр. 83.

⁸ ДАИ, II, 1846, № 100, стр. 273.

современных наказов сибирским воеводам⁹. Не приходится говорить, что эти правительственные указания, в особенности в отношении закабаления, на местах нарушались. С другой стороны, все эти предписания касательно как христианизации, так и закабаления диктовались чисто фискальными интересами¹⁰. И все же остается фактом то, что русская колониальная практика и вместе с тем история русской этнографии рассматриваемой эпохи в данном отношении резко отличались от того, что в то же самое время, как и раньше, происходило в Африке и Америке.

Основные источники, служащие для характеристики этнографических достижений XVI—XVII вв. в Сибири и на Дальнем Востоке, таковы: 1) «скаска», т. е. собственные показания служилых людей — землепроходцев, либо «распросные речи», или записи их показаний; «наказы» или «наказные памяти» — своего рода инструкции, которые давались отправляемым в поход с определенными заданиями служилым людям, причем эти указы иногда включали сведения, уже имевшиеся о данных местностях и их населении; «отписки» — донесения сибирских воевод в Москву, содержащие соответствующие сведения; 2) «чертежи», т. е. географические карты, включающие этнографические данные, вместе с «росписями», своего рода объяснительными записками к этим картам; 3) сибирские летописи; 4) описания путешествий; 5) уже тогда написанные специальные сочинения, посвященные вновь открытым или посещенным странам.

Обращаясь к этнографическим данным о народах Сибири, которые содержались в первой группе вышеуказанных видов источников, т. е. в скасках, распросных речах, наказах и отписках, отметим, что документы XVI и начала XVII в., которые бы имели этнографическое содержание, до нас не дошли, либо остаются неопубликованными. Состояние этнографических сведений о Сибири в первой трети XVII в. не отражено ни в каком из известных памятников. Нет, однако, никакого сомнения, что как вообще, так в частности по некоторым народам эти сведения были уже довольно содержательны. Об этом можно судить, например, по документу, на который мы уже ссылались, — наказу 1622 г. Евдокиму Баскакову. В этот наказ включено показание, данное в Казанском дворце томским казаком Ивашкой Володимирцом, содержащее, хотя и краткое, но четкое и обстоятельное сообщение о «кузнецких ясашных людях». Здесь рассказывается, как эти люди добывают железную руду и изготавливают из нее различное оружие, которое затем «продают колмацким людям на лошади и на коровы и на овцы». «А кузнецких людей, — говорится далее, — в Кузнецкой земле тысячи с три, и все те кузнецкие люди горазды делать всякое кузнецкое дело. А живут они в горах, а на горах растет всякий лес, и тот лес расчищают, пашут пашни, сеют пшеницу, ячмень, коноплю... «А которые кузнецкие ж люди живут от Кузнецкого острогу далеко, и теми кузнецкими людьми всеми владеют колмацкие люди и ясак с них емлют соболями и железом всяким деланным»¹¹.

30-е гг. XVII в. являются примечательной датой в истории колонизации Сибири и вместе с тем в истории ее этнографии. В 1632 г. в Москву приехал мангазейский воевода Андрей Федорович П а л и ц ы н и поднял в Приказе Казанского дворца вопрос о более активном про-

⁹ См., например, наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле 1655 г., «Русская историческая библиотека», XV, 1894, стр. 29; см. по этим вопросам: В. Кулешов, Наказы сибирским воеводам в XVIII в., Ташкент, 1888, стр. 40—41 и прим. 86; В. Огородников, Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI—XVIII вв., «Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета», I, 1920, стр. 27.

¹⁰ См. об этом: Н. Фирсов, Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве, Казань, 1866, стр. 192—204.

¹¹ Сборник князя Хилкова, стр. 191.

движении на р. Лену, причем «подал той великой реке Лене и розны земли людям, которые по той Лене и по иным рекам живут, чертеж и роспись». Проект Палицына был принят, и в 1638 г. на Лену были посланы люди для сооружения острога и освоения края. При этом в наказ данный отправленным на Лену стольнику Петру Головину и дьяку Ефиму Филатову, было включено сохранившееся таким образом извлечение из росписи Палицына¹². Мы находим здесь, между прочим следующие этнографические сообщения. «А по тем рекам по Чоне по Вилюю живут люди многие: синягиры, нанагиры... А по обе стороны великие реки Лены и до устья полунощного окияна якуты, тунгусы, маяды, нанагиры, кояты, кариgili и иные многие кочевые и сидячие люди. Да в то же великую реку Лену ниже Вилюйского устья впади с обе стороны многие великие реки, а по тем рекам живут осетунгусы, шамагиры, баяхты и иные многие люди... Да в то же великую реку Лену выше Вилюйского устья и до самые великие Балкаские протоки впади многие великие реки: Ичора, Чая, Чичюй, Пледуй, Олекна, Витим, Киренга, Такра, Камта, Бранта; а по тем и всем рекам живут яколские и якутские и братские тайши, конные и пешие сидячие многие люди: тунгусы, налякигири, камчугири, сучигири и когири, кимжегири, нанагири, шамагири, синегиры, долганы, холоп орда и иные многие люди, а не владеет ими никто; ... а те де люди соболях и во всякой дорогой мягкой рухледи цены не знают».

С конца 30-х гг. XVII в. начинается активное движение русских землепроходцев для разведывания новых, еще не открытых земель, идущих в трех направлениях: 1) на север, в район Индигирки и Колымы, оттуда к востоку на Анадырь, 2) на восток, к океану, на побережье Охотского моря, и 3) на юго-восток, в Приамурье. Предпринятые в этих направлениях походы увенчиваются и географическими, и этнографическими открытиями, о которых рассказывают умножающиеся в это время скаски и расспросные речи. Остановимся на некоторых из них.

В 1642 г. енисейский казак Дмитрий Михайлов Ерило (он же Зырян) и красноярский казак, впоследствии якутский сын боярский, Иван Родионов Ерастов (он же Вельков) проведывали р. Алазею; здесь им встретились «многие алазейские люди (т. е. юагиры) — князцы Невгоча и Мундита, а с ними были с тундры чюхчи — мужики с своими роды и с улусными людьми»¹³. Это — первая встреча русских с чукчами и первое о них упоминание в русских письменных документах.

В 1646 г. енисейский казак, впоследствии якутский казачий атаман, Михаил Васильев Стадухин открыл «незнаемую реку» Колыму. Вернувшись в 1647 г. в Якутск, он рассказал воеводам Пушкину и Супоневу о своем походе. В его весьма кратких «распросных речах» содержатся следующие заслуживающие нашего внимания показания¹⁴. «А по той де Колыме реке живут иноземцы колымские мужики свой род оленные и пешие сидячие многие люди, и язык у них свой... А по той де реке Чюхче живут иноземцы свой ж род, словут чюхчи, так же что самадь оленная, сидячие ж». Сообщая слух о находящемся в Ледовитом океане громадном острове, Стадухин рассказывает: «И те де чюхчи по сю сторону Колымы от своего жилья с той речки зимою чюхчи переезжают на оленях на тот

¹² «Русская историческая библиотека», II, 1875, № 213, стр. 961—972; о Палицыне см. С. В. Бахрушин, Андрей Федорович Палицын (Русский интеллигент XVII в.), в книге: «Века», Исторический сборник, I, П., 1924.

¹³ Приведено в статье: Н. Н. Оглобин, Восточно-сибирские полярные мореходы XVII в., «Журнал Министерства народного просвещения», 1903, 5.

¹⁴ ДАИ, III, 1848, № 24, стр. 99—100; более исправная публикация в книге: Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии, Сборник документов, составлен Н. С. Орловой, под ред. А. В. Ефимова, М., 1951, № 76, стр. 221—222; то же стр. 233—234.

остров одним днем. И на том де острове они побивают морской зверь морж, и к себе привозят моржовые головы со всеми зубами, и по своему они тем моржовым головам молятца, а он де того у них моржового рыба зубу не видал. А промышленные де люди ему сказывали, что они у тех чюхчи тот моржовой зуб видали, кольца де у них оленных санок все того одного моржового зуба».

В 1648 г. совершил замечательное плавание и великое географическое открытие уроженец г. Устюга енисейский казак, впоследствии якутский казачий атаман, Семен Иванович Дежнев (род. ок. 1605 г., ум. в 1673 г.). Выйдя из устья р. Колымы в Северном Ледовитом океане и обогнув северо-восточную оконечность Азии, Дежнев прошел до устья р. Анадырь в Беринговом проливе. Таким образом, Дежнев за 80 лет до Беринга открыл пролив, названный впоследствии именем последнего. Свидетельствами похода и открытий Дежнева являются его отписки и челобитные¹⁵.

В своих писаниях Дежнев называет: якутов, юкагиров, «ламутских тунгусов» (т. е. ламутов), чукчей, коряков, анаулей (вероятно, племя, родственное корякам), чуванцев и ходынцев (юкагирские племена). В отписках Дежнева находится двукратное указание на живущих на островах (острова Диомида или Гвоздева) против «большого каменного носа» (открытый Дежневым мыс, ныне носящий его имя) особых «чукчей», называемых «зубатыми» потому, что «пронимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных», — первое в литературе известие об азиатских эскимосах. Отметим в документах Дежнева ряд упоминаний о роде. Лишь единичным является у него следующее этнографическое показание, относящееся к корякам: «юрты у них большие, в одной юрте живет семей по десяти». И, наконец, любопытна в отписке Дежнева следующая жалоба: «а государевых всяких дел писать не на чем, бумаги писчей нет». Не будь, следовательно, этого обстоятельства, отписка Дежнева была бы куда подробнее.

Замечательные результаты принесло и движение в другом направлении — на восток.

1639 г. составляет знаменательную дату выхода русских на Тихий океан. Отправившись в 1636 г. из Томска, экспедиция, возглавленная гомским казачьим атаманом Дмитрием Копыловым и томским казаком Иваном Москвитиным, вышла в 1639 г. на Охотское побережье. Документальным результатом этого похода явилась «Роспись рекам и имена людям, на которой реке которые люди живут, тунгусские роды, по роспросу Томского города служилых людей Ивашки Москвитина да Семейки Петрова, толмача тунгускова, с товарищи»¹⁶.

Основное содержание этого географо-этнографического документа составляет детальнейшее перечисление людей, живущих по рекам, впадающим в Охотское море, причем называются не только народности, но и роды. Таковы, например, следующие показания: «река Юнома пала в Маю с левою руку, через ее кочюют оленные люди тунгусы, ламские мужики озенканы; река Аим пала в Маю с правую сторону, а по ней ко-

¹⁵ Отписки Дежнева были найдены в 1736 г. в якутском архиве Г. Ф. Миллером; запечатаны: ДАИ, IV, 1851, № 7, стр. 16—27; более исправная публикация одной из этих отписок: Г. А. Князев и Б. А. Малькевич, Отписка Семена Дежнева якутскому воеводе Ивану Павловичу Акинфиеву о морском походе его с устья р. Колымы до устья р. Анадырь, «Известия Всесоюзного Географического общества», 1948, 6; челобитные Дежнева найдены в 80-х гг. XIX в. Н. Н. Оглоблиным, опубликованы в статье: Н. Оглоблин, Семен Дежнев (1638—1671), Новые данные и пересмотр старых, «Журнал Министерства народного просвещения», 1890, 12; см. также В. А. Самойлов, Семен Дежнев и его время, С приложением отписок и челобитных Семена Дежнева о его походах и открытиях, М., 1945; М. И. Белов, Семен Дежнев, 1648—1948, К трехсотлетию открытия пролива между Азией и Америкой, М., 1948.

¹⁶ Опубликовано Н. Н. Степановым, Первая экспедиция русских на Тихий океан, «Известия Всесоюзного Географического общества», 1943, 2.

чают оленные люди, тунгусы долганы и лалкагиры;... река Уй пала в Маю с правую сторону, а на ней живут тунгусы многие, оленные люди макачинуи, и долгируи, и гулюгирцы, и чолюгирцы, и кутугирцы;... а вверх по той реке Охоте живут люди оленные: род Киланской, род Горбиканской, род Толюнской, род Унгатабирской, род Тумучерской...». Сообщаются и данные о численности отдельных родов: «и в тех родах и в их улусах человек по 100 и по 150»; «и в тех родах и в улусах человек по 100 и по 200»; «Бидарытьевого рода, сказывают, до 300». Иногда отмечаются характерные черты данной группы: «и на той реке люди воистинно боем своим жестоки»; «а на усть тое реки сидящие люди озьянканы, а ездят они на собаках». Подробно описывается производящийся обмен между тунгусами и «натканами», хотя «язык у тех людей свой, а не тунгусской». Наконец, «Роспись» сообщает и полученные сведения об Амуре: «Река есть Амур от конных людей, те люди хлеб сеют и вино сидят по русским кубами медными и трубами; да в тех же людях водятся петухи и свиньи, и кросна ткут по рускому, и от тех людей возят к натканам муку по Амуре, в стругах плавают». Это — первые в русских источниках сведения об Амуре и его обитателях, в частности первое упоминание о «натканах» — гольдах.

Последующие походы принесли новые известия о Приамурье.

«Наказная память» 1642 г. енисейскому казачьему десятнику Елисею Юрьеву Бузуе, отправленному на р. Индигирку для открытия р. Нероги¹⁷, отмечает, что, по показаниям аманатов-юкагиров, на р. Нероге «живут люди на яру род Наттыла, юрты де деланы у них в земле, у тех де людей серебра много, а люди те пешие, оленей у них и лошадей нет, а река де рыба добре, и те люди кормятся рыбою». Исследовав этот памятник, Н. Н. Степанов установил, что мы имеем здесь в свою очередь ранние слухи о населении Амура, а «род Наттыл», о котором здесь говорится, — в подлиннике «род Натты», — есть тунгусское название гольдов¹⁸.

Сходные известия содержатся в расспросных речах 1644 г. ленского служилого человека Лавра Григорьева¹⁹. Григорьев показал, что колымский шаман Пороча ему «в распросе сказывал: есть де река Нелог за Ковымою рекою, ...на той де реке Нелог... в горе в утесе руда серебряная; а люди де живут у той горы пешие де на одном месте в земляных юртах, а род де у них и язык свой не юкагири, а называются де они натканками... а люди де по той реке с устья живут юкагири, а в вершине де живут на той реке люди род свой, рожи у них писанные. И с Нелог де реки приходят натты от серебряные руды на ту Чюндону на вершину к писаным рожам торговать, а временем де с ними и дерутца. А продают де те нелогские люди писаным рожам серебро да одекуй (бисер), а те де писанные рожи им продают олени да бабы». Интересен и у Григорьева ряд показаний о численности родов: «а роду де ево, Шелкодеева, 400 человек»; «на Индигирской же де реке есть князец Полева, а роду де ево з 200-ти человек»; «Морлева роду со 100 человек»; «да другой де князец Беренга, а род де ево со 100 человек и больше», и т. д.

В 1646 г. енисейский казак Нехорошко Иванов Колотов, рассказывая на Ленском волоку воеводам Пушкину и Супоневу о своем участии в походе 1645 г. под начальством вышепоминавшегося нами Ивана Москвитина с Алдана на побережье океана, сообщал²⁰: «А по той де реке по Ульи и живут те тунгусы 4-е роды: килары, долганы, горбыканы, бояшенцы, а тех де родов людей у них много, у одного де Ковыри, которого

¹⁷ ДАИ, II, 1846, № 98, стр. 262.

¹⁸ Н. Н. Степанов, Первые русские сведения об Амуре и гольдах, «Советская этнография», 1950, 1.

¹⁹ «Открытие русских землепроходцев», № 31, стр. 125—126.

²⁰ Там же, № 33, стр. 139—140; то же: М. И. Белов (сост.), Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, Сборник документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII в., М.—Л., 1952, № 7, стр. 51—52.

сын у них был в аманатах, боканов его человек с 500 и больше, а у иных де родов по тому же и больше их улусных людей... А бой у них лучной, у стрел копейца и рогатины все костяные, а железных мало, и лес и дрова секут и юрты рубят каменными и костяными топорки»... Далее тот же Колобов показывал следующее. «И тот де князец, которого взяли тут с бою, учел им рассказывать, что от них направо в летнюю сторону на море по островам живут тунгусы ж, гиляки сидячие, а у них медведи кормленые. И тех де гиляков до их приходу побили человек с 500 на усть Уды реки, пришед в стругах, бородатые люди доуры, а платье де на них азямы, а побили де их оманом. Были у них в стругах в одnodеревых и в гребцах бабы, а они сами человек по сту и по осмьюдесят лежали меж тех баб, и как пригребли х тем гиляком и, вышед ис судов, и тех гиляков так и побили. А бой де у них топорки, а сами были все в куйках збруйных (щитковидные или наборные латы из кованых пластинок по сукну.— М. К.). А русских де людей те бородатые люди называют себе братьями. А живут де те бородатые люди х той же к правой стороне в лето по Амуру реки дворами, хлеб у них, и лошади, и скот, и свиньи, и куры есть, и вино курят, и ткут, и прядут со всего обычая с русского. А промеж их и тех тунгусов живут тунгусы ж свой род анатарки сидячие, не дошед до усть Муры. А те де онатырки люди богатые, соболей и иного зверя и оленей у них много, и торгуют с теми бородатыми доурыми на хлеб, на крупу. И про серебро де сказывал, что у тех де бородатых людей, у даур, есть, и те де будто доуры русских людей желают видеть, для того что называютца им братьями».

Мы имеем в данном документе ранние показания о гиляках и даурах.

Немаловажные этнографические результаты имел поход письменно-го головы, одного из основателей г. Якутска, Василия Данилова Полякова, совершенный в 1643—1646 гг. из Якутска в Приамурье. Вернувшись в 1646 г. в Якутск, он дал довольно подробное показание о своем походе воеводам Пушкину и Супоневу²¹.

Описывая пройденный им путь, Поляков указывает, где какие народы живут, отмечая и их хозяйственный уклад. Таким порядком в его рассказе фигурируют: «тунгусы оленные», «тунгусы скотные», «тунгусы пашенные», «дауры пашенные», «мугалы кочевные скотные», «пашенные сидячие люди дочери», «натки» и «гиляки сидячие». Это — новое, после вышеприведенного колобовского, уже непосредственное известие о гиляках и даурах. Как и другие, но более систематически, отмечает Поляков роды и их численность: «даурский князец Доптыул с родом своим, а роду его 15 человек»; «в том же острожке живет князец Илдега с родом своим, а роду его 100 человек»; «роду нас,— говорится в приводимом Поляковым показании тунгусов,— много 100 человек, да Шелгонского роду 300 человек»; «живут тунгусы Биралы многие оленные родами»; «по Шилке пойдут пашенные многие сидячие люди дочери родами». Во многих случаях Поляков употребляет термин «улус». Таковы, например, его выражения: «у одного князца улусных людей с 300, а у двух князцов по 100 человек»; «а улусу у них в том острожке 200 человек»; «а улусу его человек с 300»; «в том же острожке иные многие улусы»; «а от Томи плыл до даурского князя Балдачи сутки, а от Гогул до него Балдачи по Зию живут, по обе стороны, дауры пашенные его Балдачины улусные люди, а у него Балдачи поставлен острожек, и в том острожке с ним Балдачею живет его улусу 100 человек пашенные»; «а гиляки сидячие живут по обе стороны Амура и до моря улусами, да и на море по островам и губам живут многие ж гиляцкие люди сидячие улусами, а кормятся рыбою». В ряде иных мест Поляков называет улусы численностью в 30, 40, 60, 100, 150, 200 человек; в одном случае: «4 улусов, а людей в них 300 человек».

²¹ ДАИ, III, 1848, № 12, стр. 51—56.

Походы 1650—1653 гг. другого, вслед за Поярковым, исследователя Приамурья, торгового человека, сына боярского, Ерофея (Юрия) Павлова Хабарова, имели крупное историческое значение, однако сохранившиеся сюда относящиеся документы сколько-нибудь значительно этнографического материала не содержат. Впрочем, Хабаров не принижал к людям, склонным к этнографическим наблюдениям²².

Новые, обстоятельные и толковые, сведения о гиляках, датированные теми же 1650—1653 гг., сообщил неизвестный участник похода спутник Хабарова, Степана Полякова, который, отделившись от Хабарова, проплыл со своей партией вниз по Амуру²³. «А в тех де гиляках,— говорится здесь,— служилых и торговых людей никаких нет и не бывало, только жили пашенные люди; и наряду большого и малого огненнкою в тех гиляках нет и не бывало, а ходят и ездят с саадами, да с салями, да с копиями. А лошади де и животина всякая в тех городах и усадках есть, и пашню пашут, сеют ячмень, да овес, да гречиху, да просянку, да горох, и земля де к пашне пространна и хлебородна, а только пашут иноземцы по маленьку на быках, не как Русские люди; и сенокосов много, а сена не косят, и рыбными ловлями угожи, и виноградится; и яблоки, и орехи, и конопля родится, а соболи де сверх Шилки по Албазин городок против Ленских, а ниже Албазина городка и до Иркутска соболи обычные, а в гиляках де соболи и лисицы черные, и чернорылые, и красные есть, и рыба всякая есть».

Крупнейшим географическим и вместе с тем этнографическим открытием конца XVII в. было открытие Камчатки, честь первого исследования и описания которой принадлежит Атласову, названному Пушкиным «Камчатским Ермаком».

Якутский казак-пятидесятник Владимир Тимофеевич Атласов (ум. в 1711 г.) служил, начиная с 1672 г., в Якутске, участвуя в многих численных походах в Восточной Сибири. Прослышав о существовании еще непокоренной земли — Камчатки, Атласов с небольшим отрядом, на свой риск и «на своих проторях», совершил в 1697—1699 гг. свой знаменитый поход. Результаты этого похода были описаны в двух скасках, представляющих собой записи, сделанные со слов Атласова в Якутске в 1700 г. и в Москве в Сибирском приказе в 1701 г.²⁴ Первая скаска является рассказом о самом походе, содержа и кой-какие этнографические сведения. Вторая скаска, сообщая различные данные о Камчатке, имеет в значительной своей части чисто этнографическое содержание.

В обеих скасках упоминаются следующие народности: юкагиры, коряки, в частности коряки-олюторцы (т. е. живущие на р. Олюторе), камчадалы, курилы (жившая на самом юге Камчатки немногочисленная группа айнов) и чукчи (последние — лишь мимоходом). Об этих народах Атласов сообщает самые разнообразные, довольно основательные сведения, притом иногда по каждому народу отдельно, иногда обо всем

²² См. ДАИ, III, 1848, № 72, стр. 258—261; Н. П. Чулков, Ерофей Павлов Хабаров, добытчик и прибыльщик XVII века, «Русский архив», 1898, 2; С. В. Бахрушин, Военно-промышленные экспедиции торговых людей в Сибири в XVII веке, «Исторические записки», 10, 1941.

²³ Цитируется в вышеназванной статье Н. П. Чулкова.

²⁴ Первые появившиеся в печати сведения о походе Атласова содержатся в статье: «Продолжение известия о земле Камчатке», помещенной в «Календаре или Месяцеслове» на 1731 год. Помимо довольно подробного описания самого похода, здесь сообщаются и краткие известия о местных народах, упоминается также о встрече Атласова с индейцем Денбаем и пр. Повидимому, названная статья была составлена на основании бывших уже тогда известными донесений Атласова. Самые донесения были найдены и опубликованы Н. Н. Оглоблиным, Две «скаска» Вл. Атласова об открытии Камчатки, «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1891, 3; перепечатано в книге: Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в., Сборник архивных документов, Л., 1935. Об Атласове: Н. Оглоблин, К биографии Владимира Атласова, «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1894, 1.

населении Камчатки в общем. Мы имеем здесь сведения о внешнем виде народов Камчатки, их промыслах, использовании ими оленей и собак, данные об их жилище, об их поселениях, описания одежды, особенно тщательное описание оружия, указания о способах ведения боя, сведения о пище, посуде и ее изготовлении (любопытное: «а у многих де соболей хвостов нет, для того, что они камчадалы с соболей хвосты режут и мешают в глину и делают горшки, чтобы глину с шерстью вязало»), описание лодок и байдар и иные сведения по материальной культуре. Замечательное при данных условиях проникновение в быт населения Камчатки обнаруживают следующие сообщения Атласова об общественных отношениях камчадалов: «И начального человека они над собой не знают, а слушают которой у них есть богатой мужик» (1 скаска); «А вышеписанные иноземцы державства великого над собой не имеют, только кто у них в котором роду богаче, того больше и почитают» (2 скаска). Таковы же отзывы о междуродовых отношениях: «А остроги де они делают для того, что меж собою у них бывают бои и драки, род с родом почасту» (1 скаска); «И род на род войною ходят и дерутся» (2 скаска). Наконец, любопытны следующие показания из области религии: «А веры никакой нет, а есть у них же братья шеманы — вышеманят о чем им надобно, бьют в бубен и кричат» (о коряках); «а веры никакой нет, только одне шаманы, а у тех шаманов разliche с иными иноземцы: носят волосы долги» (о камчадалах).

Скаска Атласова, в особенности вторая, представляют собой по своему характеру, по богатству и разнообразию своего содержания исключительные для своего времени этнографические документы. Во всяком случае, они неизмеримо выше стоят в этом отношении всех имеющих этнографическое содержание аналогичных документов XVII в. В своих рассказах Атласов обнаруживает подлинную этнографическую наблюдательность и притом чисто этнографические интересы. Можно с полным основанием назвать Атласова первым этнографом Камчатки.

С рейдом Атласова связан еще один весьма значительный факт. На Камчатке Атласов встретил какого-то, как он выражается, «индейца», попавшего туда вследствие кораблекрушения и жившего там на положении «полоненика». Внешность его Атласов описывает следующим образом: «подобием как бы гречанин, сухощав, ус невелик, волосом черн». Этот «индеец» был стараниями Атласова вывезен с Камчатки и затем доставлен в Москву, оказавшись японцем Денбеем — первым японцем, попавшим в Россию. От него в Сибирском приказе были записаны разнообразные сведения о Японии²⁵.

Закончим наш обзор намеченной нами первой группы источников документом, составляющим курьезную страницу из истории этнографии Сибири XVII в. Это — отписка 1685 г. в Сибирский приказ енисейского воеводы князя Константина Осиповича Щербатого, сообщающего об обнаруженных вблизи Енисейска «диких людях» — «чюлюгдях»²⁶.

Вследствие распространившихся «меж всяких чинов» слухов, «будто в Енисейском уезде вверх по Тунгуске реке явились дикие люди ободной руке и ободной ноге», воевода произвел расследование, допросив об этом находившихся в Енисейске ясачных тунгусов. Двое из них рассказали, что, действительно, в одном месте на р. Тунгуске они обнаружили яму, из которой «исходит дух смрадный, человеку невозможно терпети». Рассказчики слыхали от своих же тунгусов, что в той яме живут люди по имени «чюлюгдей», «ростом среднему человеку вгрудь, ободном глазе и ободной руке и ободной ноге, ...а зверя де всякого и птицу они чюлюгдей стреляют излуков» и пр. Далее описывается немой торг, который

²⁵ См. Н. Н. Оглоблин, Первый японец в России, 1701—1705, «Русская старина», 1891, 10.

²⁶ Опубликована А. А. Гоздаво-Голомбиевским, «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1888, 1.

ведут с этими чюлюгдями тунгусы, и затем рассказывается, как оди такой «дикий человек» попал в поставленный тунгусами самострел, причем описывается внешность, одежда и пр. этого чюлюгдея. Обо всем этническом воевода счел необходимым довольно подробно сообщить свой Приказ. Мы имеем здесь не что иное, как отражение циркулирующего среди тунгусов фантастического рассказа о диких людях одного из вариантов широко распространенного фольклорного сюжета.

Обращаемся к другим видам источников по истории этнографии Сибири и Дальнего Востока в XVII в., а именно, общим описаниям вновь осваиваемого края и описаниям путешествий по нему.

Самым ранним, какое известно, общим описанием Сибири надо считать своего рода введение, предпосланное сибирской летописи 1636 года автором которой является дьяк сибирского митрополита Савва Есипов. Введение это содержит и некие этнографические сведения о Сибири, надо сказать, однако, далеко не отражающие состояния соответствующих данных того времени и вообще стоящие на весьма низком уровне.

Есипов называет следующие народы: вогуличей, татар, калмыков, мангалов (или мунгалов), «пегую орду», остяков, самоедь и «прочая языцы». Отдельным народам Есипов порой дает краткие характеристики: «вогуличи глаголют своим языком, поклоняются же идолам»; «татаров закон Маометов держат»; «пегая орда и остяки и самоедь закона не имеют, но идолам поклоняются и жертвы приносят, яко богу, ... сии же языцы... сыроядцы, зверина же и гадская мяса снedaюще, скверна и кропилаху, яко воду, от животных, и траву и корение ядаху; остяки и одежду имеют от рыб, самоедь же от еленей; ездят остяки на псах, самоедь же на еленях». Лишь относительно калмыков Есипов счел нужным оговориться: «калмыки же которой закон или отец своих предание держат не ведем (или: «того не ведем»), понеже бо писмени о сем не обретох и не испытати (о сем) возмогах».

Более широкий этнографический кругозор обнаруживает неизвестный автор, — принадлежащий, видимо, тоже к духовному званию, — сочинения «О Сибирском царстве и о царех того великого царства», датируемого 1645 г.²⁷ Мы находим здесь следующий этнографический обзор. «В том же Сибирском царстве живут люди разноязычны. Первые татаровя, таже вогуличи, остяки, самоедь, лопане, тунгусы, киргизы, колмыки, якуты, мундуки, гвляги, гарагили, имбаты, зеншаки, сымцы, аринцы, моторцы, точинцы, сиянцы, чаландасцы, камасирцы, и иных много разноязычных людей в том великопространном Сибирском царстве. Сии же люди аще и подобни образом человеком, но нравом и житием подобни зверем, не имеют же закона, овии же кланяются камению, инии же медведю, инии же древию, инии птицам, сотворше бо от древа птицы, звери и змеи и сим поклоняются, тем же разных языков и нравов люди». Ниже еще говорится: «Всех же языков в Сибирском царстве числом 17, ... по своим языком писмен не имеют, точию татары имеют по своему языку писание, а держат закон Маомедов, а калмыцкий язык приемлют учение от лаб Китайского царства, ходят в суете ума их».

Примечательно еще в данном сочинении следующее сообщение: «На краи реки Томи лежит камень велик и высок, а на нем писано звери, скоти и птицы и всякия подобия, а егда по некому прилучаю отторжеся камень, а внутри того писано якоже и на краи». Это — самое раннее в литературе известие о сибирских, в частности томских, петроглифах — «писаницах».

Новое общее сочинение, посвященное Сибири, датируется 1686 г. Это — «Описание новых земель, сиречь Сибирского государства, в кото-

²⁷ Сибирские летописи, СПб., 1907; публикация нескольких списков.

²⁸ А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции (Приложение к обзору Хронографов русской редакции), М., 1869, стр. 398—404.

рое оно время и каким случаем досталось за Московское государство, и какое той земле положение»²⁹. Сочинение это считалось анонимным. Согласно предположению А. И. Андреева³⁰, автором его является подъячий Посольского приказа Никифор Данилович Венюков. Венюков познакомился с Сибирью лично в связи с тем, что дважды ездил в Китай, входя в состав посольств: 1675 г., возглавленного Н. Г. Спафарием, и 1686 г. — Ф. А. Головиным.

Довольно обстоятельное и детальное описание Венюкова содержит упоминания ряда народов: татар, остяков, самоедов, «лопьян», «белых калмыков», «черных калмыков», «тубинцев», «мразцев», «кондомцев», «верхних киргизцев», якутов, «братов»; в Даурской земле — дючерцев и богдойцев; упоминаются и приезжие в Сибирь купцы — бухарцы. Наряду с тем сочинение Венюкова содержит и некоторые этнографические данные. Так, о населении Оби и Иртыша сообщается, что оно живет «в лесах темных над водами; зимние юрты деревянные в землях, аки в погребях, от великих мразов, а летние юрты имеют в иных местех над водами великими, ... а ношью спят в полах (иначе: «в полатах») холщевых на высоких краватах, под кровати же кладут огонь и куриво, дабы комары и мошки дали ношью уснуть». «А одяние и обувь имеют с рибих кож, с осетров, стерлядей, с налимов, со мней и со всяких птиц; проделявают те же кожи рыбьим жиром, аки рогдугу мягкостию, которые отнюдь дожда не боятся. А питаются все зверным мясом и птичьим да рыбою, хлеба же не сеют и отнюдь не знают те, которые от городов в дальнем разстоянии живут. А ездят зимним путем от юрт до юрт и до города, где кто ясак платит, нартами на собаках и на оленях доморощенных...» Примечательно следующее показание о браке: «А те ясачные люди имеют у себя, которые богатые, в одном юрту по три и по четыре жены, маломощные же люди по одной жене имеют», — одна из самых ранних в науке характеристик многоженства как привилегии богатых. Конец сочинения Венюкова посвящен Китаю и Тибету, сообщая преимущественно сведения о религии этих стран.

Крупный вклад в этнографию XVII в. сделал Н. Г. Спафарий.

Николай Гаврилович Спафарий-Милеску (1636—1708), по национальности грек, уроженец Молдавии, с 1672 г. служил в Москве переводчиком в Посольском приказе; известен также как писатель. Широко образованный человек, он был близок к начальнику Посольского приказа А. С. Матвееву. Влиянию Матвеева надо приписать то, что, занимая скромную должность переводчика, Спафарий получил довольно высокое назначение: в 1675 г. он возглавил первое официальное русское посольство в Китай. Одной из целей этого посольства было собирание возможных сведений об этой, остававшейся тогда еще весьма малоизвестной стране. Одновременно Спафарий получил поручение описать все места, через которые ему придется проехать. Маршрут посольства прошел через Тобольск, по Енисею, на Байкал, через Даурию и Маньчжурию. Вернулся Спафарий в 1678 г. и затем до смерти продолжал служить в Посольском приказе³¹.

Спафарий составил описание своего путешествия через Сибирь, которое озаглавил: «Книга, а в ней писано путешествие царства Сибирского от города Тоболска и до самого рубежа государства Китайского, лета 7183»³². Описание путешествия Спафария, нося в основном характер

²⁹ Впервые напечатано А. Титовым, *Сибирь в XVII веке*, М., 1890, стр. 57—101; новая публикация по двум спискам: *Сибирские летописи*, СПб., 1907.

³⁰ А. И. Андреев, *Указ. соч.*, стр. 29.

³¹ О нем: *Русский биографический словарь* (1909); Р. Р. Panaitescu, Nicolas Spathar Milesu (1636—1708), *Mélanges de l'Ecole Roumaine en France*, 1925, 1 partie, pp. 38—180.

³² Найдено и издано в 1882 г. Ю. В. Арсеньевым: *Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году; с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева*, «Записки Русского Гео-

итинерария, содержит большой этнографический материал. Это, кстати сказать, первое в литературе описание путешествия по Сибири, вместе с тем первое такого рода сочинение, имеющее и этнографическое содержание.

Описание Спафария охватывает довольно широкий круг народов. Здесь так или иначе упоминаются: «братья» или «брацкие», бухарцы пашенные, каиманцы, калмыки, караганцы, киргизы, мугалцы, или мунгальцы, мундужцы, остяки самоедцы, саянцы, татары, таутелеуты и яумундужцы, тунгусы, учюги. Некоторые народы получают у Спафария более или менее развернутые общие характеристики. Так, остяки описываются следующим образом: «Народ остяцкий древний, как и иные разные народы царства Сибирского. Жители все те от скифов произведены суть, которые скифы после потопа от Иафета, Ноева сына, поколение свое имели. И идолослужение их, как из начала от исполина Неврода приняли, так и держут. Сами себя именуют своим языком, которые по Обе живут и по Иртышу, кандаях, а нарымские и кецкие именуют же себя чугулы. А жилище их начинается от Иртыша и до устья реки Иртыша, где впадает в Обь, и потом по Обе на низ до Березова и до Окиянского моря и вверх по Обе реке до Томского города, также и по Кете реке до вершины ее. И то место есть немалое. Только и у них хотя и один народ и вера одна, однакожде языки у них живут разные, на силу друг друга выразаются. Сей народ есть, который от греческих и латинских историков именуется ихфиофаги (хотя об них они толко слухом слышали), се есть рыбаодцы, потому что все остяки ловят рыбу всякую множество много. И иные и сырую едят, а иные сушат и варят; однакожде соли и хлеба они не знают, опричь рыбы, да корень белой, сусак, который они летом собирают в запас, сушат и зимою едят. А хлебом не могут жить. А которые насытятся хлебом, и те помрут. А жилище их — юрты. И не токмо для ради прокормления своего рыбу ловят, а и платье себе из рыбной кожи делают и сапоги и шапки. А шьют их рыбьими жилами. А ходят они в лодках в самых легких, деланы деревянные, сидят по 5 и по 6 человек и болши. А всегда при них луки и стрелы есть, всегда готовы к бою. А жен у них множество, сколько хотят, столко и держат» (стр. 83—84). Отметим, между прочим, что приведенное описание остяков Спафария — первое в истории русской этнографии более или менее развернутое описание одного народа.

Приведем еще следующую характеристику монголов. «Мунгалы суть, о которых пишет в Библии — Гог и Магог, потому что они называют себя маголь. И тот род мунгальский зело великой, потому что начинается близ реки Амуры от степи и простирается меж Китайским государством и Сибирским царством; и до Бухар, и до самой Индии по степи все мунгалы кочуют под разными тайшами, и которые близ Китай — они живут в подданстве у китайцев, а которые подале — имеют над всеми тайшами начальника Очироя Саинхана, который ныне владеет, а у духовных имеют большого жреца Кутухту Ламу, и те неподалеку кочуют от Селенгинского острогу, потому что у них городов и сел нет; и для того кочуют по степям в юртах войлочных для прокормления многого скота их» (стр. 128).

Преимущественно же Спафарий ограничивается, говоря об отдельных народах, частными этнографическими указаниями. Нередко указывается, какого зверя данный народ промысляет. Отмечается характер жилища: «а избы у пашенных бухарцев глиняные»; «а юрты у братьев войлочные»; «а жилища их есть, копают в земле погребы», — сообщает Спафарий о татарах Барабинской волости. При этом он различает летнее и зимнее жилище: «юрты остяцкие летние» и «юрты остяцкие зимние», «юрты брацкие зимние». Русские и иногда татарские поселения Спафарий обоз-

начает термином «деревня», для туземных же поселений он обычно употребляет выражение «юрты»: «юрты остяцкие», «юрты тунгусские» и пр. В одном случае фигурирует для обозначения поселения термин «волость» со следующим интересным указанием: «Около Сургута по рекам волости остяцкие, ...а в волости остяков бывает по 40 и по 50 и по 60 и по 70 и по 80 человек, а больше не живет» (стр. 56, прим. 2).

Весьма примечательны некоторые сообщения Спафария из области религии народов Сибири. Так, об остяках он говорит: «А вера-де у них сказывают — есть-де мечети, и в мечетях вырезаны болваны серебряные, и медные, и деревянные, и всякие. И молятся стоя мызжут да пляшут; а как медведя в лесу убьют, и они приволочнут на двор и в избу с луками и стрелами, и стрелы потычут, и поют, и пляшут. А сказывают они, что де мы молимся Шейтану, и ходит он по деревням» (стр. 35). Это, между прочим, первое в литературе известие о так называемом «медвежьем празднике». В другом месте Спафарий пишет: «А около Березова есть капища идолские остяцкие, и про тех пишут земнопоселители, что тут есть идол Золотые Бабы, однакоже золотых не сказывают, а что серебряных, деревянных крашенных множество и медных льют же. И первое что ловят изо всех зверей, им приносят» (стр. 70) — отклик на литературные известия о пресловутой «Золотой бабе» или «Золотой старухе».

Отметим еще, наконец, следующее сообщение Спафария. Описывая Енисей, он сообщает: «А до большого порогу не доезжая есть место, утес каменной по Енисею. На том утесе есть вырезано на камени неведомо какое письмо и межъ писмом есть и кресты вырезаны, так же и люди вырезаны на пустом месте. А никто не ведает, что писано и от кого» (стр. 85). Это — второе по времени после сочинения «О сибирском царстве» литературное известие о сибирских, на сей раз енисейских, «писаницах», относительно которых Спафарий, повидимому, пытался добыть более подробные сведения.

Спафарий является также автором небольшого экскурса, известного под названием «Сказание о великой реке Амуре, которая разграничила русское селение с китайцы»³³. Сочинение это было написано Спафарием около 1675 г. по материалам Посольского приказа и расспросным сведениям, собранным им во время его путешествия в Китай. Здесь упоминаются «мунгальские народы», «дауры», «тонгусы», «джючера, пашенные китайские люди», «куяры» и, наконец, «гиляцкие народы», с некоторыми этнографическими об этих народах сведениями.

О сочинениях Спафария, относящихся к Китаю, — ниже.

Крупное значение в истории этнографии Сибири принадлежит относящимся к самому концу XVII в. трудам С. У. Ремезова.

Семен Ульянович Ремезов (ок. 1664 — ок. 1715), тобольский сын боярский, служивший в Тобольске, является автором замечательного картографического труда — «Чертежной книги Сибири», составленной в 1698—1700 гг. и состоящей из 25 листов-карт³⁴. Помимо этнографических указаний, которые содержатся в ряде карт этой книги, лист 25-й имеет в значительной мере этнографический характер. Ремезов является также автором чисто этнографического труда — «Описания о сибирских

³³ Впервые напечатано Г. И. Спасским в «Вестнике Русского Географического общества», VII, 1853; перепечатано: А. Титов, Сибирь в XVII веке, М., 1890, стр. 105—113. Сочинение это считалось анонимным, каковым и фигурирует у Спасского и Титова. Однако Ю. В. Арсеньев еще в 1882 г. установил, что автором его является Спафарий, причем оно составляет часть спафариева описания путешествия по Сибири: Ю. В. Арсеньев, О происхождении Сказания о великой реке Амуре, «Известия Русского Географического общества», XVIII, 1882 (1887). Арсеньев показал здесь, между прочим, что публикация Спасского является несправной, содержа ряд пропусков и ошибок; все это, однако, осталось неизвестным или не было принято во внимание Титовым, перепечатавшим текст Спасского.

³⁴ Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г., СПб., 1882.

народах и граней их земель», написанного в 1696—1697 гг. Труд этот сохранился только в фрагментах — тех извлечениях, которые были сделаны из него в XVIII в. тобольским историком-самоучкой Иваном Леонтьевичем Черепановым (1724—1795) в его сибирской летописи. В этих извлечениях говорится об остяках, остяко-самоедах, вогулах, татарах, аринцах, калмыках и др.; сообщаются сведения о внешнем виде, одежде, пище, оружии, средствах сообщения, религии и пр. Если судить по этим выдержкам, данное сочинение Ремезова представляло собой довольно обстоятельное специальное описание народов Сибири, и в таком случае Ремезов может быть назван первым этнографом Сибири³⁵.

II

Вместе с начавшимися с первого десятилетия XVII в. попытками московского правительства завязать прочные связи с Китаем открывается тот раздел истории русской этнографии, который имеет своим предметом непосредственное изучение народов Китая и смежных с ним стран, раздел, давший немало блестящих глав и страниц.

Наиболее ранние сведения о пребывании русских в Китае датируются первой половиной XIV в.³⁶ Существуют указания на посещение русскими Китая и для последующего времени, однако каких-либо достаточных записей об этом не сохранилось. В России добывались сведения об этой издавна возбуждавшей интерес стране и косвенным путем, от нерусских, бывавших в Китае или в свою очередь иным путем получивших соответствующие сведения. Одно из наиболее ранних таким порядком добытых показаний было получено от киргизских князей в самом начале XVII в. Показаний эти сообщил в своей отписке царю в 1609 г. томский воевода Василий Волынский³⁷. Здесь сообщается сначала о монгольском царе Алтыне, что он «царь кочевой, кочует на лошадях и на верблюдах; людей же у него тысяч за двести; а бой у них лушной». О Китае говорится следующее: «А живет де китайский государь и у него де город каменной, а дворы де в городе с Руского обычья, полаты на дворах каменные, а людьми де силнея Алтына царя и богатством полные. А на дворе де у китайского государя полаты каменные. А в городе де стоят храмы и звон де великой у тех храмов; а крестов на храмах нет; того де у них не ведают какая вера, а живут с Руского обычья. И бой де у него огняной; и приходят де из многих земель с торгом к нему. А платье де оне носят все золотное, а привозят де к нему всякие узорочья из многих земель».

Первое посещение русскими Китая, оставившее письменный след, относится к 1618 г. Это — посольство томского казака Ивана Петлина направленное в Китай тобольским воеводой кн. И. С. Куракиным. По возвращении из Китая Петлин был послан в Москву и дал здесь свои показания, которые были записаны под названием «Роспись Китайскому государству и Лобинскому и иным государствам, жилым и кочевным, и улусам, и великой Оби, и рекам, и дорогам»³⁸.

³⁵ Черепановская летопись остается неизданной; мы пользовались рукописью в Отделе рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина, шифр: М. 2214. Ср. А. И. Андреев, Указ. соч., стр. 114; также: А. И. Андреев, Черепановская летопись, «Исторические записки», 13, 1942.

³⁶ См. Палладий, Русские поселения в Китае в первой половине XIV века, «Духовная беседа», 1863, XVIII, 27; перепечатано: «Живая старина», 1894, 1.

³⁷ «Русская историческая библиотека», II, 1875, № 84, стр. 188—191.

³⁸ Впервые опубликована Г. И. Спасским в «Сибирском вестнике», 1818, ч. 2; печаталось повторно в 1843 и 1869 гг. с неправильной атрибуцией авторства Петрову и Ялычеву; впервые исправным образом напечатана, вместе со специальным исследованием, Ф. И. Покровским, Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году (мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялы-

Сравнительно небольшая по объему, «Роспись» Петлина содержит прежде всего ряд сведений о «Мугалской земле», через которую посольство проехало. Следующим образом описываются здесь, например, города и дома. «А города в Мугалской земле деланы на четыре углы, по углам башни; а с ысподе у города кладен камень серой, а к верху кладено кирпичем. А у ворот городских своды так же, что у русских городов; а на воротех на башне колокол медяной вестовой, пудов в двадцать, а башня крыта образцами кирпичными. А дворы в Мугалской земле кирпичны, деланы на четыре углы, ограда кругом двора высоко; а на дворах полаты кирпичные, а не высоки; а подволоки у полат выписано травами, красками розными; а украшены полаты различными краски: не хочется из палаты вон ити».

Весьма примечательно ниже следующее описание монгольских храмов. «Да в той же Мугалской земле стоят два храма Лобинские кирпичные, как делают храмы клинчатые; а стоят храмы дверми промежу востоку и полдни; а на храмах крестов нет; стоят на храмах ни весть какие звири каменные. А во храмах неизреченное диво: как лизеть во храм, противу дверей сядят три болвана великие женской, по сажени по полутретье; болваны вызолочены сусальным золотом з головы и до ног, а где высоко в сажень, на зверях на каменных, а звири всякими образы, выкрашены красками. А в руках держат болваны по горшечку с кашею, а перед ними горят свечи неугасимыя с салом з говяжьим. А на правой стороне во храму стоять восемь болванов муской пол, а на левой стороне стоят восемь же болванов все девки, вызолочены з головы и до ног, а руки протянули, что поклонитца хотят, как кланяются Мугалские люди лобам. А по сторонь трех болванов стоят два болвана нагих, как быть человек в теле: не розпознаешь издале, что тело или глина,— как быть жив. А свечи тонки, что солома, а горят углем без огню. А поют в тех храмах две трубы великие, сажени по полуторе труба. Как затрубят в трубу, да станут бить в бубенцы, да припадут на коленцы, да руками сплеснут, да розхватят руки, да ударятца о средую, да на середе лежат с полчася; а в те поры во храм лести, как поют,— страх велик человека возмет: неизреченно диво во храмах. А крыты те храмы образцами кирпичными». «Роспись» содержит также характеристику местных духовных лиц и возглавляющего их «кутуфты». Кой-какие сведения сообщаются также о пище, одежде, производствах, земледельческих орудиях и пр. местного населения. Перейдя к рассказу о своем пребывании в Китае, Петлин дает впервые описание Китайской стены, довольно подробно описывает ряд китайских городов, отмечает некоторые черты быта, упоминает об употреблении «солнешников» (зонтиков) и пр.

Не менее интересные этнографические сведения принесло посольство в Китай от Приказа Большой Казны, преимущественно с торговыми целями, тобольского боярского сына Федора Исаковича Байкова. Выехав из Москвы в 1653 г., а из Тобольска в 1654 г., Байков вернулся в Тобольск в 1658 г. Байков был сам неграмотен и в посольстве его не было писцов. Рассказ о его путешествии был записан с его слов в Москве в Приказе Большого Дворца³⁹.

Описывая свое путешествие в Китай, Байков сообщает некоторые све-

чева в 1567 г.), «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук», т. XVIII, кн. 4, 1913 (1914).

³⁹ Напечатано впервые Н. И. Новиковым в «Древней Российской Вивлиофике», изд. 2, ч. IV, 1788; перепечатано Г. И. Спасским в «Сибирском вестнике», 1820, ч. 2; вновь перепечатано в книге: И. Сахаров, Сказания русского народа, т. II, кн. 8, СПб., 1849, стр. 123—134; популярное изложение: А. Г. Банников, Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай, Василий Тюменец, Иван Петлин, Федор Байков, М., 1949.

дения о калмыках, бухарцах и монголах, в частности об их жилище, хозяйстве. В Китае он описывает города, рынки с их товарами, мосты, мостовую, канализацию и пр. Особо отмечает он, что «перед воеводами носят солнишники бумажные желтые». Весьма подробно описывает Байков внешний вид китайцев, сравнивая их с монголами. «А люди в Китайском царстве,— говорит он,— мужеск пол и женск дороден и чист; а у китайских женского полу ноги маленькие, что робячьи; а платье носят коротко, своим переводом, а волосы на главах по немецки. А мунгальского роду женск пол, ноги полные; платье носят долго до земли, и ноги не видеть; а волосы плетут в косы и обвивают около головы, а иные повязывают платами черными, а платья цветного мужеск пол и женск не носят, носят платье все черное... А мужеск пол волос не держит, только на верьх головы устанавливают косы; а платье носят своим переводом; а на головах носят зимою шапки низенькия черныя, что старския а на верьху у тех шапок кисти шелковыя красныя велики; а лето шляпки маленькия же, плетены из камыша; а кисти такиеж, что на шапках».

Исключительно разносторонний и содержательный документ представлял собой «Ведомость о Китайской земле и о Глубокой Индеи» составленная в Тобольске в 1668—1669 гг. «изысканьем» стольника воеводы Петра Ивановича Годунова⁴⁰.

Ведомость сообщает сведения об одежде, посуде, утвари, жилищах китайцев, их оружии и военном деле. «Ядят,— говорится здесь,— всякое крошеное мясо не лошками, двумя розными спичками круглыми, толщиною с лебежье перо, а длиною вершков в шесть». Следующим образом описывается отопление: «А печи в полатах деланы в подпольях, подобны чювалом татарским, а называют кан; а топят те печи каменьем, мешают с грязью, которой у них камень горит; а как камень горит, и от него дух тяжел, а цветом то камень черно, а емлют его в горе»... (первое в русской литературе сообщение о каменном угле!). Религия и культ китайцев описываются так: «А поклоняются китайские люди болванам, а называют их буйными, храбрыми людьми и за святых почитают, и имяна им у них есть; а свечи ставят перед болванами воощаные и масляные, а в домех держат по ночам свечи сальные». Общий отзыв о китайцах таков: «А люди ласковы и советны, а в домех у них нескрытно, и входы в дома их свободно».

«Ведомость» сообщает также некоторые сведения о Монголии и Тибете. Индии посвящено всего несколько строк, в которых, между прочим, сообщается: «а вера их: молятца болваном и веруют в корову». Наконец, к «Ведомости» присоединены в виде особого сообщения некоторые сведения о Китае, записанные от «природного китайца через калмыцкий язык», где, в частности, передается генеалогическая легенда о происхождении китайцев.

Наконец, наиболее крупные для XVII в. результаты в области этнографии Китая дало путешествие туда уже упоминавшегося Н. Г. Спафария. Составленный Спафарием «статейный список» его посольства этнографического содержания не имеет⁴¹. Весь собранный Спафарием материал по описанию Китая был им сосредоточен в специальном сочинении, написанном по его возвращении из посольства в 1678 г. Оно озаглавлено: «Описание первыя части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провин-

⁴⁰ Впервые издана Г. Ф. Миллером не вполне исправно в «Продолжении Древней Российской Вивлиофики», ч. VII, 1791, стр. 198—224; новое издание: С. О. Долгов, «Ведомость о Китайской земле и о Глубокой Индеи», «Памятники древней письменности и искусства», 133, 1899.

⁴¹ Ю. В. Арсеньев, Статейный список посольства Н. Спафария в Китай (1675—1678), «Вестник археологии и истории», XVII, 1906; отдельно: СПб., 1906.

ции»⁴². Описание Китая Спафария написано частью на основе личных наблюдений и сборов, в значительной части, видимо, по различным литературным источникам. Это — обширное, исключительно разностороннее, написанное оригинальным живым языком собрание сведений исторических, географических, политико-административных и культурно-бытовых. На русском языке — это первая книга о Китае.

Книга Спафария состоит из следующих частей: сравнительно небольшого, но разностороннего общего описания Китая (стр. 1—65), ряда описаний наиболее крупных городов и всех провинций Китая (стр. 65—197) и кратких описаний Кореи (стр. 197—198) и Японии (стр. 199—202). Как в общей части, так и в описаниях провинций содержится большой и разнообразный этнографический материал. Некоторые главы общей части имеют чисто этнографический характер. Таковы глава XI — «Какая природа китайцев, и лицом какие суть, и каковы природные их обычаи, и к чему наипаче склонны», или глава XIII — «Какие у них природою жены, и как они на них сватаются, и какое у них платье, какие же у них яствы и пития».

Давая общую характеристику китайцев и отмечая некоторые отрицательные черты их быта, Спафарий о многих сторонах нравов и быта Китая отзывается весьма положительным образом. Так, он пишет: «И во всех поступках, в хождении, и в слове весьма смиренны, что лучше не возможно тому быти, наипачеже начальные их люди, философи, постоянство, учтивость, смирение и крайнюю доброту показывают. Что же на улицах крычати, или пьяну ходити, или шуметь, или глазами играть, то у них признак есть злого человека, а что же божитися или скверных слов отнюд не услышишь» (стр. 40—41). Особое внимание Спафария привлекают своеобразные стороны китайской культуры и быта. Довольно подробно описывает он, например, уродование ног китайок, приводя различные существующие в Китае объяснения этого обычая. Несколько раз, и порой пространно, говорит он о чае, его приготовлении и употреблении, о его целебных свойствах. Вообще, различным лекарственным средствам, употребляемым в Китае, Спафарий уделяет специальное внимание, в частности многократно говорит о жень-шене. И Спафарий упоминает о каменном угле: «И есть у них камень черный, который горит как дерево, и тем топят избы» (стр. 73, также стр. 75). Отмечает Спафарий широкое употребление вееров — «каждый человек летом в руках носит махалце от жару» (стр. 41) — и прочие мелочи быта.

Книга Спафария заканчивается кратким описанием Кореи и Японии. Главу, посвященную Корее, Спафарий заканчивает следующим образом: «И тако сия страна во всем прехвальная есть, точию же еще ни от кого не проведена, ни от наших русских людей, ниже от иных государств, чего ради здесь мало описание сего государства себе показало, но кратко нечто ведома ради хотящему изъясняется» (стр. 198). Действительно, данная глава о Корее является, повидимому, одним из самых ранних в мировой литературе описаний этой тогда почти совершенно неизвестной страны. Глава о Японии занята главным образом вопросом о происхождении японцев, с некоторыми небезинтересными для своего времени об этом предмете замечаниями. Она заключается в свою очередь следующим заявлением: «Писахом же мало нечто и о сем острове Японском, которого описания имеется здесь в России особливая пространнее книжица» (стр. 202).

Начиная с половины XV в., завязались сношения Московской Руси

⁴² Издано впервые Н. Ф. Катановым: Н. Г. Спафарий, Описание первая части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями, Церковно-славянский текст, по рукописи, принадлежащей Ф. Т. Васильеву, с биографией Н. Г. Спафария, написанной А. И. Яцимирским, с описанием рукописи, сделанным А. И., и с предисловием и указателем Н. Ф. Катанова, Казань, 1910.

с Средней Азией, причем с середины XVI в. они стали уже довольно регулярными. Несмотря на такую давность и оживленность этих связей, сочинений, которые содержали бы описание страны, в частности, этнографический материал, сохранилось, насколько известно, весьма мало⁴³. Мы можем, таким образом, сослаться в нашем обзоре только на два документа XVII в.

В 1620 г. был направлен в Бухару с торговыми, отчасти дипломатическими поручениями дворянин Иван Данилович Хохлов. Вернувшись в 1622 г., он представил довольно пространный статейный список, в этнографическом отношении, однако, весьма скудный⁴⁴. Отметим лишь следующее показание Хохлова: «А во обеих де землях, в Юргенской и в Бухарской земле, города глиненные, деланы также, что и кирпичом, только не жзоным, так: измяв глину с соломою лошадми, да режут кирпичем, да не жегши так и кладут; а крепко де потому, что дождей летом мало».

К 1669—1673 гг. относится посольство в Бухару, Балч, Хиву и Юргенч, возглавленное Борисом и Семеном Пазухиными. Существующий статейный список этого посольства называет узбеков, калмыков, башкир, туркмен и каракалпаков, однако дает весьма незначительный этнографический материал: описание придворных порядков и застольных обычаев у ханов, сведения о военном деле и ирригации⁴⁵.

Говоря о накоплении в России XVII в. этнографических сведений по зарубежным странам, нам остается еще остановиться на путешествиях, совершавшихся русскими людьми в разные страны Востока.

В 1623—1624 гг. совершил путешествие на Восток с торговыми целями московский купец Федот Афанасьевич Котов. Описание его путешествия носит название: «О ходу в Персицкое царство и из Персиды в Турецкую землю и в Индию и в Урмуз, где корабли приходят. Писано московским купчиною Федотом Афанасьевым Котовым в 7132 году»⁴⁶. Проехав через Дагестан и Азербайджан, Котов посетил Персию. Вопреки заголовку его описания, он в Турции и Индии не был, и соответствующих данных здесь не содержится.

Котовым упоминается длинный ряд народов: татары, ногайцы, узбеки, бухарцы, черкесы, кабардинцы, «кумычяня», «лязгинцы», «арменья», турки, «кизилбаши» (персы), «тезичей», «муганы», курды, евреи, «мултаней», «аврамяне». На Кавказе Котов описывает Дербент («Дербень») и Шемаху. Описывая одно селение близ Дербента, Котов отмечает: «а двory и деревни глиняные, а в садах и сковозе двory реки копаные текучие, а привожены из гор». В основной своей части описание Котова посвящено Персии. Он описывает здесь в свою очередь города, торговлю, ремесла, одежду жителей, их прическу и пр. и дает пространное и подробное описание праздников. Это — первое в русской литературе описание Персии.

Вскоре после Котова, в 1634—1637 гг., совершил путешествие на Восток с паломническими целями казанский купец Василий Яковлевич Гагара, проехавший через Закавказье и Турцию и побывавший, помимо

⁴³ См. В. А. Ульяницкий, Сношения России с Среднею Азиею и Индиею в XVI—XVII вв., По документам Московского Главного архива Министерства иностранных дел, «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1888, 3; отдельно: М., 1888; С. В. Жуковский, Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие, П., 1915.

⁴⁴ Сборник князя Хилкова, № 107, стр. 388—424; см. Н. Веселовский, Иван Данилович Хохлов (Русский посланник в Персию и Бухару в XVII в.), «Журнал Министерства народного просвещения», 1891, 1.

⁴⁵ «Русская историческая библиотека», XV, 1894, стр. 33—75.

⁴⁶ Издано впервые М. П. Погодиным в 1852 г. по несправочному списку; прекрасная публикация с введением и примечаниями: М. П-ий, [М. П. Петровский], Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII века, «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук», XII, 1907, кн. 1; оттиск: СПб., 1907.

Палестины, и в Египте⁴⁷. На Кавказе Гагара посетил Тифлис и Эривань, оставив краткое их описание. По дальнейшему своему маршруту он описывает города, уделяя особое внимание их водоснабжению, в Египте его внимание привлекла продажа воды; упоминает он «аравов диких». Не свободен Гагара от легковерия. Так, описав Тифлис, он сообщает: «да близ же тое реки Куры есть гора, а на ней просечены 4 окна большие, а жил в той горе людояд, а ел на всякий день по человеку».

Наконец, оригинальное описание стран Ближнего Востока принадлежит неизвестному русскому, находившемуся в плену в Турции в 60—70-х гг. XVII в.⁴⁸ Согласно изысканиям П. А. Сырку, автором этого описания является Федор Феоктистович Дорохин. Уроженец г. Ельца, сын боярский, Дорохин служил на военной службе в рейтарах; в 1660 г. попал в плен к крымским татарам, которыми в 1662 г. был продан туркам; в Турции пробыл 12 лет, до 1674 г., когда выкупился и вернулся в Россию. За время своего плена Дорохин побывал, помимо Крыма и Турции, в Египте, Сирии и Палестине, а по пути на родину — на Балканах. Описание его злоключений было написано между 1682 и 1686 гг. Как военный, Дорохин большое внимание уделяет вопросам военного дела, и описание его имеет в известной мере военно-топографический характер.

Дорохин описывает города, в которых побывал, везде обозначая этническую принадлежность их населения. Особенно подробно описан, очевидно хорошо ему знакомый, Царьград. Дорохин называет длинный ряд народов, давая о них краткие отзывы, преимущественно с точки зрения их военных способностей. Таким порядком у него встречаются следующие наименования народов: «амалицкие люди», «аравийские люди», «арнаутские люди», «болгарские люди», «босняки», «волохи» (молдаване), «египтяне», «курты» (курды), поляки, татары, «трухменские люди», турки (или «турские люди»). О турках Дорохин отзывается следующим образом: «А все те турецкие люди да брани оне есть худы, токмо лиже из них, от тех турских людей, жалованные воинския люди еничара да брани они тверды, а война брани их не ученая. А меж ими, турскими людьми, да спех, и шлем, и броня мала где увидиш, на притчу, а щытов меж ими у них есть много и кольчуг». Выразителен отзыв Дорохина о курдах: «многаж их есть, а лихие оне люди: на пути забойцы великие оне человеком; а война брани их... в поле на коне копьем воевать».

Остановимся особо на ходе накопления в рассматриваемом нами периоде этнографических сведений по Кавказу.

Вспомним, что Начальная летопись называет лишь два кавказских народа: яссов и касогов. Первый, насколько мы знаем, русский путешественник, побывавший на Кавказе и оставивший о том литературный след, упоминая о Дербенте, Баку и кайтаках, — Афанасий Никитин (XV в.). В XVII в. некоторые, незначительные, сведения сообщают, как мы сейчас видели, Ф. А. Котов и В. Я. Гагара.

В XVI в. начинают развиваться связи России с Грузией, что выражается, в частности, в длинном ряде посольств в эту страну. Из числа соответствующих многочисленных документов, имеющих то или иное этнографическое содержание, назовем для XVII в. статейные списки трех посольств.

В 1639 г. был послан в Мингрелию к Левану I Дадияни толмач с

⁴⁷ Описание путешествия Гагары было впервые издано И. П. Сахаровым в «Сказаниях русского народа», т. II, 1849; затем издавалось в 1851 и 1871 гг.; новое издание: Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Гагары, 1634—1637 гг., под ред. С. О. Долгова, «Православный Палестинский сборник», вып. 33 (т. XI, вып. 3), 1891.— О Гагаре: 1) «Русский биографический словарь» (1914); 2) В. Андрианова-Перетц, Хождение в Иерусалим и Египет Василия Гагары, «Сборник Российской Публичной библиотеки», т. II, вып. 1, Петроград, 1924.

⁴⁸ Издано впервые под заглавием: Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII века, под ред. П. А. Сырку, «Православный Палестинский сборник», вып. 30 (т. X, вып. 3), 1890.

татарского языка Посольского приказа Федот Елчин. В посольстве участвовал и московский священник Павел Захарьев. По возвращении посольства в 1640 г. в Москву оба его участника составили каждый свой статейный список⁴⁹. Список Захарьева посвящен целиком религиозным и церковным темам. К списку Елчина присоединено нечто в роде краткого специального описания «Дадрианской земли», т. е. Мингрелии, где дается характеристика местных нравов, сведения о торговле, земледелии, пище, застольных порядках, свадебных обычаях. Следующим по времени известным нам и имеющим для нас значение документом такого же рода является статейный список, составленный участниками посольства 1640—1643 гг. к кахетинскому царю Теймуразу I князем Ефимом Мышецким и дьяконом Иваном Ключаревым⁵⁰. В весьма краткой форме этот список сообщает сведения о земледелии и военном деле в Кахетии. Наконец, уже довольно богатое и разнообразное содержание имеют статейные списки стольника Никифора Матвеевича Толочанова и дьяка Алексея Иевлева, бывших с посольством в Имеретии в 1650—1652 гг.⁵¹ Мы находим здесь описание царского и церковного быта, застольных обычаев, военного дела, одежды, земледелия, торговли, пищи и напитков, жилища, боевых башен и пр. Весьма интересна, между прочим, следующая характеристика имеретинских поселений: «А села и деревни, и в селах и в деревнях дворы стоят врозни, по буграм и по долинам и посеред гор и на горах. Где водные источники, туто их и селитьба и пашня. А сидят не слободами, врозни, двора по два и по три и по десяти и по двадцати и болиши, и то сидят врозни, двор от двора в полустрельбища. И около у всякого двора обсажено овощным деревьем и виноградом. И стоят что в лесу: не видно».

Закончим наш обзор этнографических памятников XVII в. указанием на два документа, имеющих общий характер.

Весьма ценный этнографический памятник, относящийся к началу XVII в., представляет собой «Книга Большому чертежу»⁵². Это — объяснительный текст к несохранившейся карте Московского государства, составленный в 1627 г., представляющий собой свод географических и отчасти этнографических данных о Руси, частично и о некоторых сопредельных странах. Список народов, здесь упоминаемых, довольно велик. Таковы: азовцы, башкирцы, вогуличи, «гречаня», «грузи», дауры, «калмыцы» (или «колмыки»), «казацкая кочевая орда», карагайцы, кизылбаши, или персы, «крымская орда», или «крымчаня», лопари, в частности Понойские «мугалы» (или «мугальцы»), «мундусцы» (народ в Сибири), «нагаи» — большие и малые (или меньшие), «пегая орда», «самоядь», в частности «самоядь Пяки», саянцы, татары (или «татароя») — многократно упоминаемые, татары крымские, татары белгородские, «турчань», «учуги» (народ в Сибири), черкасы горские, или пятигорские, черкасы запорожские, «ямундусы» (народ в Сибири). Особо интересно следующее перечисление, относящееся к Кавказу: «А в тех горах по Тереку и по рекам по иным пятигорские черкасы, и кабарда, и скохи, и осоки (иначе: осохи), и кугени, и мичкизы (иначе: минкизы)».

⁴⁹ С. А. Белокуров, Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадрианскую землю (1639—1640), «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1887, 2.

⁵⁰ М. Полиевктов, Международные сношения Грузии с иноземными странами, II, Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию, 1640—1643, Тифлис, 1928.

⁵¹ М. Полиевктов, Международные сношения Грузии с иноземными странами, I, Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию, 1650—1652, Тифлис, 1926.

⁵² Издана впервые Н. И. Новиковым в 1773 г. под заглавием «Древняя российская гидрография» и т. д.; новейшее прекрасное издание: К. Н. Сербина (ред.), Книга Большому чертежу, М.—Л., 1950.

К приведенному списку надо присоединить еще следующие обозначения: Бухарская земля, Литовская земля, Тангутская земля, Турская земля, Югорская земля, Юргенская земля. Все эти наименования сопровождаются точной локализацией. Наконец, изредка встречаются в «Книге» и этнографические замечания. Например: «А у татар во всех деревнях пашни пашут, а сеют пшеницу, да ячмень, да полбу» (стр. 66); «А с верху реки Монача с левая сторона озеро, а в том озере емлют соль азовцы и черкасы пятигорские и Казыева улусу татаровя» (стр. 86); упоминание башкирцев сопровождается замечанием: «а кормля их мед, зверь, рыба, а пашни не имеют» (стр. 139).

Особое место в истории русской этнографии XVII в. должно занять сочинение Г. К. Котошихина, О России в царствование Алексея Михайловича, написанное в Швеции в 1666—1667 гг.⁵³ Автор этого сочинения — Григорий Карпович Котошихин (ок. 1630—1667) был подъячим Посольского приказа и по неуставленным причинам эмигрировал в Польшу, а затем обосновался в Швеции. Кончил он печально: в драке убил своего хозяина квартиры, за что был казнен.

При всей сомнительности личности автора, сочинение Котошихина представляет собой уже получивший свою общую оценку важный исторический документ. Оно содержит преимущественно описание московской придворной жизни и дипломатической службы, характеристику государственных органов и должностей, описание военного дела, состояния торговли, сословий и пр. Собственно этнографическое содержание имеет последняя глава сочинения Котошихина — «О житии бояр, и думных и ближних, и иных чинов людей», посвященная описанию домашнего быта преимущественно высшего служилого сословия. Здесь же содержится краткое описание богатой свадьбы.

Если не считать «Домостроя», то книга Котошихина представляет собой первое сочинение о русском быте, правда, лишь высшего сословия, содержащее, в частности, первое, опять-таки после «Домостроя», описание русским автором (существуют более ранние описания иностранцев) русской свадьбы.

Обращаемся к некоторым итогам сделанного нами обзора⁵⁴.

Нельзя не признать, что — в соответствии с данным ранним периодом истории этнографии — собирание этнографических сведений в XVII в., как и в предшествующую эпоху, определялось в значительной мере практическими потребностями. Отсюда и объем, и самый характер сведений, которые фиксировались, отсюда та неписанная, но тем не менее действующая «программа», по которой этнографический материал собирался. Таким образом, например, в Сибири и на Дальнем Востоке сведения обуславливались нуждами колонизации, меновой торговли, ясачного обложения и пр. При всем том уже очень рано — начало этому было положено еще Несторовой летописью — сказывается и подлинная познавательность, настоящий этнографический интерес. Это по сути дела же научное начало в русском народоописании достигает своего высшего выражения к концу рассмотренного нами периода в превосходных этнографических скасках Атласова и пытливейших описаниях Спафария.

⁵³ Сочинение это оставалось неизвестным, пока не было открыто в 1838 г. в библиотеке Упсальского университета русским историком, тогда профессором Гельсингфорского университета, С. В. Соловьевым; впервые издано в 1840 г.; 4 изд., СПб., 1906; ср. А. И. Маркевич, Г. К. Котошихин и его сочинение о Московском государстве в половине XVII в., Одесса, 1895.

⁵⁴ Настоящий обзор, посвященный русской этнографии XVII в., составляет продолжение нашего обзора, напечатанного под заглавием: «Из истории ранней русской этнографии (XII—XVI вв.)», «Советская этнография», 1952, 4. Подводя сейчас итоги изложения в данной статье, мы отчасти имеем в виду и предшествующий период истории русской этнографии.

Русская этнография XVII в. продолжает, как это ей было свойственно и раньше, отличаться по общему правилу замечательным реализмом: все этнографические документы XVII в. совершенно свободны от фантастики и сугубо реалистичны. Другую выдающуюся черту русской этнографии описанной эпохи, в свою очередь продолжающую начала, присущие предшествующему периоду, и разительным образом отличающую ее от этнографии зарубежной, составляет свобода от какой-либо национальной нетерпимости. И в документах XVII в., как приведенные нами, так и вообще известных, мы не находим ни одной строки, ни одного слова, которые выражали бы презрительное или уничижительное отношение к описываемым народам, отношение к ним как «низшим». А ведь авторами этих документов были большей частью простые и весьма суровые люди — казаки-землепроходцы. Ранняя русская этнография, да и вообще русский язык той эпохи не знают слова «дикари», как и какого-либо иного с таким же смыслом выражения или термина. В качестве термина, употребляемого для обозначения местных народов, встречается только слово «иноземцы».

Этнографические описания и характеристики подаются просто, бесстрастно и объективно. Более того, когда речь идет о народах высокой культуры, отзывы, отмечая и отрицательные черты их быта, с другой стороны, и не впадая в идеализацию, с уважением признают достоинства и качества описываемого народа. Так, особое уважение вызывают китайцы. Вспомним отзывы о них Годунова («А люди ласковые и советны, а в домех у них нескрытно, и входы в дома их свободно») и Спафария («И во всех поступках, в хождении, и в слове весьма смирны, что лучше невозможно тому быти» и т. д.).

Чужда русская этнография описанной эпохи по общему правилу и религиозной нетерпимости. Исключение составляют, — естественным, пожалуй, образом — представители духовенства, отзывы которых в этом отношении, а иногда и вообще в отношении быта и нравов, контрастируют с общим тоном соответствующих документов эпохи. В общем же, все русские наблюдатели, столкнувшись даже с весьма отсталыми формами религии и культа, либо формами, глубоко чуждыми христианству, остаются вполне терпимыми. Эта веротерпимость доходит иногда и до беспристрастного восхищения красотами чужеземных храмов, откровенно высказываемого, например, Петлиным: «неизреченное диво во храмах», — пишет он о монгольских кумирнях.

Свобода от нетерпимости, а следовательно, и от предубеждения, обусловила то, что русская этнография уже с самого начала своего существования обнаруживает элементы подлинно научного подхода. Это выражается в том, что русские наблюдатели никогда не обезличивают те народы, которые они описывают. Даже весьма отсталые народности фигурируют в ранней русской этнографии не в качестве обезличенных «дикарей», как это неизменно присуще этнографии зарубежной. В том обширном многообразии различных во многих отношениях народов, которыми русским людям довелось встречаться, они прекрасно и отчетливо различали каждый отдельный народ, каждое отдельное племя. Это ярко выражено уже в Начальной летописи, это выражено и в новгородском сказании XV в., пытающемся по-своему дифференцировать различные группы «самояди». Уверенное и четкое различие разных народностей и племен выражается и в том, что они получают всегда свое отдельное наименование и всегда отчетливо локализуются. Различение это выражается и в их этнографической характеристике. Эта характеристика или оценка, как бы кратка и недостаточна ни была обычно, все же всегда стремится отметить и выделить культурные особенности, специфику каждого народа. Начало этому направлению русского народоописания было положено Нестором, и вся последующая русская этнография строится в неизменном и твердом признании, что всякий народ

всякое племя имеет «обычаи свои и законы отец своих и преданья, кождо свой нрав».

Русская этнография описанного нами периода сделала массу этнографических открытий, составивших громадный вклад в мировую этнографическую науку. В течение XVI—XVII вв. в особенности русская этнография открыла обширнейший, дотоле совершенно неведомый этнографический мир. В эти века с исключительной быстротой, один за другим вступает в орбиту этнографической науки длинный ряд народов Сибири и Дальнего Востока, в научное обращение входит масса новых этнонимов. Наряду с тем русская этнография вводит в науку обширное количество новых конкретных данных из всех областей этнографического знания в сфере материально-хозяйственной, общественной и духовной культуры. При этом в целом ряде случаев это — наблюдения и фиксации фактов, сделанные, как мы отмечали, в науке впервые, дающие русской науке новые и новые права на приоритет.

При таких замечательных заслугах ранней русской этнографии приискорбное обстоятельство составляет то, что добытые сведения во многих случаях оставались под спудом. Конечно, русские этнографические открытия находили себе различные пути распространения на Руси, однако, как можно было видеть из наших подстрочных указаний, большая часть соответствующих документов в условиях царской России оставалась в течение очень долгого времени неопубликованной, расходясь лишь в рукописных списках. Эти обстоятельства становятся почти трагическими тем, что, как это было и по отношению к документам предшествующего времени, русские открытия и неопубликованные русские сведения XVII в. заимствовались и публиковались иностранцами. Так, широко использовал неопубликованные русские источники голландец Николай Витсен для своего сочинения «Северная и Восточная Татария» (1692)⁵⁵, приобретая тем известность. Им, в частности, было дословно воспроизведено «Сказание об Амуре» Спафария, широко использовано описание Сибири Венюкова и пр. Многие другие русские географо-этнографические документы были переведены и напечатаны в Англии, Франции, Германии и Голландии за много времени до того, как они были опубликованы в России, причем иногда и так, что в России они оказались вовсе утраченными. С особенной жадностью набрасывались иностранцы на русские сведения о Китае. Данные Петлина были вскоре после его посольства опубликованы в Англии, а в начале XVIII в. также в Голландии. Сообщения Байкова были переведены и напечатаны на французском, голландском и немецком языках, и т. д.

Выдающуюся научную заслугу русской этнографии составляет открытие и исследование рода. Род известен уже Начальной летописи и, очевидно, с этого времени является привычным представлением русской науки, когда идет речь о ранних общественных формах. Требуется специальная работа, чтобы проследить употребление термина «род» в русских письменных памятниках последующего, после XII в., времени, но вполне очевидно, что в документах XVII в. «род» является уже совершенно обычным, широко употребляемым понятием и термином. С другой стороны, русские наблюдатели, повидимому, уже очень рано, а что касается XVII в. и, в частности, Сибири и Дальнего Востока, то уже привычным и систематическим образом, принимают род как основную общественную форму местных народов и племен. При этом, с таким же постоянством и систематичностью стремятся они в своих описаниях учесть не только народы и племена, но и отдельные родовые группы. Здесь, конечно, основную роль сыграло то обстоятельство, что род явился единицей ясачного обложения, откуда и интерес к численности от-

⁵⁵ Ср. В. Г. Трисман, Русские источники в монографии Н. Витсена «Северная и Восточная Татария», «Институт этнографии, Краткие сообщения», XIII, 1951.

дельных родовых групп. Во всяком случае, эта ориентировка на род свидетельствует как о наличии определенного о нем представления, так и о признании его общественного значения.

Но так или иначе, это различие и признание рода как общественной формы сыграло крупнейшую научную роль, положив твердое основание для установления племенного состава различных народов, для дифференцированного изучения их культурных особенностей, для познания их общественного строя в частности. Надо сказать, однако что сколько-нибудь углубленное изучение рода, родовых форм и отношений было в то время делом весьма непростым. Родовой строй на родах Сибири и Дальнего Востока, как и всех народов, у которых он сохранялся и с которыми приходилось сталкиваться России, находился в эпоху колонизации в состоянии глубочайшего распада. Даже вопрос, что собой представляли существовавшие тогда в качестве отдельных общественных единиц родовые группы, равно как вопрос о форме туземных поселений той эпохи, являются и сейчас вопросами специального исследования. Эти вопросы, как и вопрос о том, какими были представления русских наблюдателей того времени о роде родовых формах и отношениях, в свою очередь требуют особого рассмотрения. Отметим только, что мы имеем, хотя бы в приведенных нами документах, три сюда относящихся термина, а именно: род, улус и волость (не считая употребляемого Спафарием термина «юрты») причем представляется неясным, какие группы этими терминами вообще и в отдельных конкретных случаях обозначаются и каково соотношение этих понятий или форм. Особое внимание должен привлечь термин улус. Этот получивший в XVII в. широкое распространение монгольский по происхождению термин не привлек к себе, насколько мы знаем, достаточного внимания исследователей и не получил достаточного истолкования⁵⁶. Заметим по этому поводу, что весьма существенным показателем при суждении о сущности как «улуса», так и «рода» должна явиться численность этих групп. Учитывая же данные хотя бы приведенных нами документов, как и более широкие общие данные содержащиеся в работе Б. О. Долгих⁵⁷, мы считаем, что здесь могло бы оказать существенную помощь предложенное нами понятие патриимии.

Заканчивая наш обзор и наши итоговые замечания, укажем, быть может, лишний раз, что приведенный нами материал далеко не в полной мере отражает состояние этнографических познаний, существовавших в Руси во взятое нами время. Но и представленные нами данные достаточно выразительно говорят о том, что русская этнография сделала в XVII в. по сравнению со всем предшествующим временем громадный шаг вперед, имела крупнейшие успехи. Это выразилось и в количестве собранного материала, и в неизмеримо повысившемся его качестве, и в расширении этнографического горизонта. И все же описанный сейчас период продолжает в научном отношении оставаться периодом собирания материала, не чуждым, однако, как мы видели, и некоторым вытекающих из этого материала обобщений. Это все же время еще только начального складывания русской этнографической науки, каковой она подлинным образом станет в следующем, блестящем ее периоде — в XVIII веке.

⁵⁶ Нет никакого основания, по нашему мнению, понимать, как это делает В. И. Огородников, под выражением «улусные люди» — чужеродцев. См. В. И. Огородников, Из истории покорения Сибири, Покорение юкагирской земли, «Труды Гос. ин-та народного образования в Чите», I, 1922.

⁵⁷ Б. О. Долгих, Племена Средней Сибири в XVII веке, «Институт этнографии, Краткие сообщения», VIII, 1951.